

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Дисциплинарное оформление социальных наук в первой половине XIX в.: опыт Франции

Матвеев С.Р.¹, Саламатов А.Н.²

*1 - Национальный исследовательский университет - Высшая школа экономики,
Факультет философии, 2 - Пермский институт (филиал) ФГБОУ ВПО РГТЭУ,
Факультет менеджмента, Москва, Россия
E-mail: sergey-matveev1988@bk.ru*

Начиная с 1960-х гг. расцвет междисциплинарности и опыт современных исследований в области социальных и гуманитарных наук во многом способствовали нивелированию границ между соответствующими отраслями знания. Всё сложнее маркировать методологический инструментарий конкретных дисциплин, понимание сущности которого становится возможным лишь при обращении к их истокам. Настоящая ситуация имеет определенное сходство с периодом дисциплинарного оформления социальных наук в XIX в., когда из общественно-научного аморфного проницаемого знания, вобравшего в себя социальные теории, политические идеи, философские обоснования и исторические концепции, начали возникать отдельные научные дисциплины. В их границах, которые зачастую совпадали с компетенцией соответствующих институций, формировалось понимание собственного предмета и методов исследовательской работы, возводились дисциплинарные барьеры.

Выбор национального опыта Франции обусловлен, во-первых, связью дисциплин и институций, которые не имели еще наднационального статуса, а, во-вторых, французской исторической реальностью конца XVIII – начала XIX вв., которая дала беспрецедентный пример социально-политических трансформаций, осуществившихся в течение жизни одного поколения. В 1789-1849 гг., т.е. за шестьдесят лет, во Франции произошло три революции, было принято десять конституций, провозглашено три конституционные монархии, две республики, одна империя. Внешние факторы, динамичный рост и накопление знаний, в сочетании с когнитивным потенциалом XVIII в., дали значительный импульс развитию моральных и политических наук, а так же усложнению их структуры, сформировали необходимость творческого осмысления многообразия исторических фактов.

В первой половине XIX в. сочетание «моральные науки» означало принадлежность к моральной философии (нравственной практической философии) в классическом смысле этого слова. Различные отрасли моральных наук развивались, как правило, в практическом соотношении с политическими вызовами. Более привычное сегодня выражение «социальные науки», вошедшее в обиход в период Французской революции 1789-1794 гг., намеренно не употреблялось ни при Империи, ни при Реставрации, ни во времена Июльской монархии, поскольку слишком напоминало о материализме и сциентизме революционных доктрин и революционных времен. Главной институцией моральных и политических наук стала одноименная Академия, воссозданная в 1832 г. в составе Института Франции. Сегодня факт существования Академии практически вытеснен из коллективной памяти гуманитариев вниманием к позитивизму, который институционально в первой половине XIX в. находился на периферийных позициях. Академия стала первым в мире учреждением, которое официально занималось социальными на-

уками, она ставила под контроль и координировала попытки описать социальную реальность.

Существует две позиции относительно происхождения социальных наук во Франции XIX в., непосредственно связанных с признанием решающей роли «внутренних» или «внешних» факторов [7]. Согласно первой, эти науки имеют свои истоки в эпохе Просвещения и получили развитие в послереволюционный период [2, 4]. Вторая позиция исходит из признания ключевого значения Революции как импульса к развитию общественных дисциплин и выражена в словах Ф. Абрамса: «То поколение, которое дало миру социологов, было первым поколением, которое дало миру людей, наблюдавших в течение жизни столь значительные изменения» [5, 7]. Однако необходимо отметить сложность дифференциации и содержательную взаимосвязь «внутренних» (когнитивных) и «внешних» (социальных) факторов дисциплиностроительства.

События Революции и десятилетия после нее явили миру серьезную слабость существовавших до этого обычаев, практик управления государством и общественных ценностей. Реконструкция исторического контекста первой половины XIX в. позволяет пролить свет на «сложное взаимодействие между идеями, учреждениями и политической практикой» [3]. Продуктами возникшего культурного и политического вакуума стали «измы» (либерализм, консерватизм, социализм), начавшие оформляться одновременно с развитием политических наук, а зачастую – в их рамках.

Немаловажным оказалось внешнее воздействие со стороны естествознания, ставшее причиной внутренних изменений социальных дисциплин, несмотря на все противодействие последних. Однако непризнание на уровне институций не исключало менее явного влияния, скорее даже свидетельствовало о нем.

«Внутренние» факторы развития берут свои истоки в дореволюционном периоде. В частности, оформление дисциплинарного поля исторического знания в XIX в. стало возможно благодаря преодолению во французской интеллектуальной среде XVIII в. разделения истории на три части – священную, естественную и социальную, – введенного благодаря изысканиям английских эмпириков раннего нового времени. Вольтер отнес естественную историю к физике, а Дидро исключил священную, сохранив социальную, под которой понимал историю человеческой деятельности в широком смысле [2]. Окончательная десакрализация священной истории стала возможна в 1830-е годы, когда в речных отложениях на берегу реки Соммы Буше де Перт обнаружил останки вымерших животных вместе с обработанными человеком каменными орудиями, что подорвало библейскую хронологию, согласно которой возраст человечества едва превышал пять тысяч лет [6]. Так же принцип историзма, объединивший в XIX в. ряд научных школ (романтическая, политическая, историческая школа права и пр.), принципиально расходящихся по прочим методологическим вопросам, начал формироваться в период Просвещения.

Дисциплинарное оформление наук непосредственно связано с формированием интеллектуальной сети их представителей. Исследователи склонны уделять большее внимание центральным фигурам, принадлежащим к ядру профессионального сообщества, следуя логике ранжирования интеллектуалов в соответствии с долей внимания, уделяемой им в позднейших исторических источниках [1].

Литература

1. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
2. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М., 2004.
3. Craitu A. Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Oxford, 2005.
4. Goldstein J. The Post-Revolutionary Self: Politics and Psyche in France, 1750–1850. Cambridge, 2005.
5. Hochberg L.J. Reconciling History with Sociology? Strategies of inquiry in Tocqueville's Democracy in America and the Old Regime and the French Revolution // Journal of Classical Sociology. 2007. Vol. 7. № 1. P. 23–54.
6. Perthes B. De l'homme antédiluvien et de ses œuvres. Paris, 1860.
7. Reedy W. The historical imaginary of social science in post-Revolutionary France: Bonald, Saint-Simon, Comte // History of the Human Sciences. 1994. Vol. 7. № 1. P. 1–26.